

«НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ» В ФИЛОСОФСКОЙ
АНТРОПОЛОГИИ

З. Плиева

2 курс, юридический факультет

Научный руководитель – проф. В.Л. Лехциер

Начнем с того, что такое «нарратив»? С английского и французского языков это слово переводится как «рассказ», «повествование» или «история», латинский корень «narrare» означает языковой акт. Далее я буду использовать эти понятия как синонимы. В нарративе всегда присутствует конечная цель, которая позволяет объяснить события, включенные в повествование, а также устанавливается хронологическая последовательность этих событий. Самое короткое определение нарратива, которое часто любят повторять антропологи, таково: кто-то рассказывает кому-то (неважно, устно или письменно) о том, что что-то произошло.

Ценность нарратива была давно осознана различными гуманитарными науками. Сначала филологией, которая стала разрабатывать основные формы и структуры повествования, фигуру нарратора и т.п. Потом к нарративу обратилась культурная антропология или этнография. Но затем нарратив был востребован и другими гуманитарными науками, психологией, социологией. Поэтому в 70-х-80-х годах прошлого века стали говорить о «нарративном повороте» в гуманитарных науках.

Необходимо сказать, что «нарративный поворот» явился следствием так называемого «лингвистического поворота» (термин Рорти) в философии XX века, в рамках которого была переосмыслена роль языка в человеческой жизни и культуре. Из простого средства выражения мысли и средства коммуникации он «превратился» в необходимое условие мира, условие опыта мира и самопонимания. Все эти новации в философии привели и к новым идеям в области философской антропологии. В философской антропологии лингвистический поворот состоялся именно как нарративный поворот. Ключевыми его представителями являются американский этик и политический философ Аласдер Макинтайр, американский философ Ричард Рорти и французский философ Поль Рикер.

Для Рорти, например, человеческое «я» возникает в акте самоописания, поскольку мы *всегда уже* находимся в той или иной системе описания. Главным в описании является то, что оно должно производиться на новом языке, то есть с использованием слов по-новому, с новыми метафорами. Самоосмысление, есть по Рорти, переописание себя и, таким образом, пересоздание своего «я». Хочу обратить внимание на одно обстоятельство: если для Рорти отследить причины своего бытия – значит расска-

зять о нем историю, то для нарратологов верно и обратное: рассказать историю о чем либо – значит проследить его причины, то есть причинно-следственное мышление есть, с этой точки зрения, лишь следствие нашей нарративной способности!

Рикер схожим образом ставит рядом человеческую самость и повествование и размышляет об их взаимодействии. Он вводит даже понятие «повествовательной идентичности», считая, что непрерывное повествование постоянно влияет на внутренний опыт человека.

Нарратив, в понимании Макинтайра, – это основа, то, что объединяет жизнь человека в единое целое, от рождения до смерти, в противовес критериям, по которым ее обычно разделяют (возрастные периоды, труд, отдых и др.). Макинтайр является автором новой антропологической формулы: «человек в своих действиях, на практике и в своих вымыслах представляет животное, которое повествует истории». Также он говорил и о том, что все эти повествования могут пересекаться, одно может составлять часть другого, так что личный нарратив включается в историю сообщества.

Кроме того, через нарратив возможно познание другого человека, поскольку другой может быть нам априори дан в рамках того или иного драматургического сюжета (сюжета о герое, лжеце, «обычном человеке», друге, любви и т.д.). А также нарратив является связующим звеном между событиями и рассказчиком.

ЖЕНЩИНА В ДРЕВНЕРУССКОЙ СЕМЬЕ

X – XV вв.: ПАТРИАРХАТ ИЛИ РАВЕНСТВО СУПРУГОВ?

С. Пушкарский

1 курс, юридический факультет

Научный руководитель – доц. В.И. Гольцов

Как известно, в середине XVI в. был издан «Домострой» эпохальный документ, закрепивший абсолютное бесправие женщины в сфере брачно-семейных отношений, благодаря чему в исторической мысли существует укоренившийся стереотип, будто бы женщина в Древней Руси находилась в подчинённом положении в семье и обладала весьма ограниченными правами. Да, в Московской патриархальной Руси так оно и было, но ведь Древняя Русь – это не столько домостроевская Московия, сколько долгий период Киевской Руси и раздробленности, во время которого семейное положение женщины было совершенно иным и даже намного более свободным, чем в Европе того времени.

Заявленная проблема является актуальной и сегодня, так как в историографии до сих пор превалирует подход о бесправном положении женщины в древнерусской семье. Так, И.Ф. Эверс в своём труде «Древнейшее русское право в историческом развитии» отстаивал положение о том, что